

ЗИГМУНД ФРЕЙД

ТОТЕМ И ТАБУ

БУДУЩЕЕ ОДНОЙ ИЛЛЮЗИИ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

Тотем и табу

Некоторые сходства
душевной жизни дикарей
и невротиков

*Перевод выполнен по изданию 1934 г.,
дополненному и уточненному автором
по сравнению с первым изданием 1913 г.*

Предисловие

Нижеследующие четыре очерка изначально были опубликованы — под общим названием, которое служит подзаголовком к настоящему изданию, — в первых двух выпусках журнала «Имаго»* под моим наблюдением. Это попытка с моей стороны применить точку зрения и результаты психоанализа к ряду непроясненных вопросов психологии народов, поэтому методологически они противоположны как объемному труду Вильгельма Вундта**, который опирался на положения и методы неаналитической психологии, так и работам цюрихской школы психоанализа***, каковая стремится разрешить проблемы индивидуальной психологии при посредстве материала из области психологии народов (см.

* Психоаналитический журнал, основанный З. Фрейдом в 1912 г. — *Примеч. пер.*

** В. Вундт — немецкий физиолог и психолог, один из столпов экспериментальной и социальной психологии, а также психологии народов; считал, что сознание, подобно предметам физики или химии, разложимо на опознаваемые составные части. Автор ссылается на 10-томное сочинение Вундта «Психология народов». — *Примеч. пер.*

*** Имеется в виду школа аналитической психологии К. Г. Юнга. — *Примеч. пер.*

Юнг 1912 и 1913). Охотно признаю, впрочем, что непосредственным поводом к моим собственным исследованиям выступили оба указанных источника.

Я вполне осознаю недостатки моих очерков. Вряд ли нужно подробно останавливаться на тех недостатках, что присущи всякой оригинальной первооткрывательской работе, однако другие требуют пояснения. Четыре очерка, публикуемые вместе, призваны привлечь внимание широкого круга образованных людей, но понять и оценить их по достоинству смогут лишь те немногие, кому не чужд психоанализ во всем его своеобразии. Эти очерки ставят своей задачей перебросить мостик между этнографами, языковедами, фольклористами, с одной стороны, и психоаналитиками — с другой стороны. При этом они все же не способны дать ни тем ни другим того, чего им не хватает: первым — достаточного проникновения в новую психологическую технику, а вторым — достаточного понимания материала, который ожидает обработки. Посему придется довольствоваться тем, чтобы здесь и там привлечь внимание и пробудить надежды на то, что сотрудничество обеих сторон, каковое порой намечается, будет полезным для научных исследований в целом.

Читателю предстоит узнать, что обе главные темы, давшие наименование этой небольшой книжке, — тотем и табу, — трактуются несколько по-иному. Анализ табу выдвигается в качестве достоверного и исчерпывающего способа рассмотрения проблемы. Исследования же тотемизма ограничиваются, по сути, указанием, что в настоящее время

психоанализ мало что может предложить для разъяснения поклонения тотему. Это различие связано с тем, что табу по-прежнему распространены среди нас; выражаемые в иной, отрицательной форме и обращенные к иным содержаниям, они по своей психологической природе не отличаются от категорического императива Канта, который навязывает себя человеку и который отрицает всякие сознательные мотивы. Напротив, тотемизм представляется чуждым нашим современным чувствам, будучи религиозно-социальным институтом, который фактически давно отринут и заменен новейшими формами; он оставил крайне незначительный след* в религии, нравах и обычаях народов — даже тех, каковые и сегодня как будто его придерживаются. Социальные и технические успехи в истории человечества гораздо меньше затронули табу, нежели тотем.

В этой книге делается попытка установить первоначальный смысл тотемизма по его инфантильным остаткам из намеков, в каких он проявляет себя в ходе развития и взросления наших детей. Тесная связь между тотемом и табу позволяет совершить следующий шаг на пути к дока-

* В дальнейшем изложении автор сам опровергает это утверждение о «незначительности» следов тотемизма в современном обществе; см. также, например, очерк К. Леви-Стросса «Тотемизм сегодня» (рус. пер. 1994) и многочисленные примеры использования тотемических приемов и контекстов в практиках движения нью-эйдж (нью-эйдж в России — см. Ш н и р е л ь м а н В. А. Интеллектуальные лабиринты. Очерки идеологий в современной России. — М.: Academia, 2004 и др.). — *Примеч. пер.*

зательству защищаемых в этой книге положений, а сама означенная гипотеза, пусть она покажется кому-то поистине невероятной, не должна считаться основанием для возражений против возможности ее приближения (в большей или меньшей степени) к трудно реконструируемой действительности.

Рим, сентябрь 1913 г.

Предисловие к изданию на иврите

Никто из читателей этой книги не сможет без особенных усилий поставить себя в эмоциональное положение автора, которому неведом язык Священного Писания, который полностью отчужден от религии своих предков (как и от любой другой религии) и который не в состоянии воспринять сердцем националистические идеалы, зато никогда не принижал собственный народ, всегда считал себя евреем по природе и ни разу в жизни не испытывал потребности хоть в чем-то изменить эту природу. Если автора спросят: «Раз вы отвергли многие черты, объединяющие вас с соотечественниками, что позволяет вам относить себя к евреям?», он ответит: «Очень многое, а прежде всего — сама природная суть». Эту природную суть автор затруднится облечь в слова, но однажды она, без сомнения, станет доступной научному описанию.

Посему для автора оказывается опытом особого рода случай, когда его сочинение переводится на иврит и попадает к читателям, для которых историческая идиома, обозначенная в названии книги, сохраняет жизненность, тем паче что эта книга посвящена изучению религии и морали, пускай она не разделяет иудейских взглядов и пускай

не делает иудеям никаких поблажек. Автор при этом льстит себе надеждой, что читатель разделит его убеждение: беспристрастная наука не может и не должна оставаться чуждой духу нового иудаизма*.

Вена, декабрь 1930 г.

* Имеется в виду сионистское движение, которое значительно окрепло из-за переезда множества евреев в Палестину ради создания еврейского государства. — *Примеч. пер.*

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ

Страх перед инцестом

Доисторического человека во всех стадиях его развития мы знаем по неодушевленным памятникам и приспособлениям, им оставленным, по сохранившимся сведениям о его искусстве, религии и мировоззрении, дошедшим до нас непосредственно или через традицию, то есть легенды, мифы и сказки, а также по остаткам прежнего образа мышления в наших собственных обычаях и нравах. Если же отвлечься от этих знаний, такого человека можно в известном смысле считать нашим современником. До сих пор есть народы, о которых мы думаем, что они очень близки первобытному человеку, гораздо ближе нас, и в которых мы поэтому видим прямых наследников и представителей древних людей. Таково наше мнение о тех, кого мы воспринимаем как дикарей и полудикарей, а их душевная жизнь приобретает для нас особый интерес, если мы правы, усматривая в ней хорошо сохранившуюся картину ранних этапов нашего собственного развития.

Если это предположение верно, то сравнение психологии первобытных народов, какую рисует нам этнография, с психологией невротиков, раскрываемой посредством психоанализа, должно выявить немало сходств и пролить новый свет на знакомые факты в той и в другой области.

* * *

По внешним и внутренним причинам я намереваюсь провести свое сравнение, обращаясь к племенам, которые по описаниям этнографов предстают наиболее отсталыми и жалкими среди дикарей, а именно к туземцам Австралии, самого молодого континента: там в фауне* сохранилось столько архаического, исчезнувшего в других местах.

Австралийских туземцев принято считать отдельным народом, лишенным физического или лингвистического родства с ближайшими соседями — меланезийскими, полинезийскими и малайскими народностями. Они не строят ни домов, ни хижин для постоянного проживания, не обрабатывают землю, не разводят никаких домашних животных, кроме собак, им незнакомо даже гончарное искусство. Они питаются исключительно мясом различных животных, которых убивают, и кореньями, которые выкапывают. Среди них нет ни царей, ни вождей, а все общие вопросы улаживаются на собраниях старейшин. Крайне сомнительно допустить у них наличие религии в форме почитания высших существ. Племена внутри континента, вынужденные вследствие недостатка воды существовать в жесточайших условиях обитания, во всех отношениях, по-видимому, еще более примитивны, чем жители побережий.

Разумеется, не следует ожидать от половой жизни этих ничтожных нагих каннибалов какой-либо

* Так у автора; в начале XX столетия этот термин употреблялся в достаточном широком значении и охватывал всех живых существ, а не только животных. — *Примеч. пер.*

нравственности, привычной нам, или того, что они станут сколько-нибудь сильно ограничивать себя в проявлениях своих сексуальных влечений. Тем не менее мы узнаем, что они самым тщательным образом и с поистине мучительной строгостью стараются избегать инцестуозных половых отношений. Более того, вся их социальная организация как будто направлена к этой цели или находится в связи с устремлением к оной.

Место всех отсутствующих религиозных и социальных установлений у австралийцев занимает система «тотемизма». Австралийские племена распадаются на малые сообщества, или кланы, из которых каждое носит имя своего тотема. Что же такое тотем? Как правило, это животное, идущее в пищу, безвредное или опасное, внушающее страх, куда реже растение или сила природы (дождь или вода), состоящие в определенных отношениях с конкретным кланом. Прежде всего тотем считается общим предком членов клана; кроме того, он выступает ангелом-хранителем и помощником, который предсказывает будущее, признает и милует своих детей, даже будучи опасен для всех остальных. Члены клана при этом связаны священным, само собой влекущим наказания обязательством не убивать и не уничтожать свой тотем и воздерживаться от поедания его плоти (а также от иных способов получить от него выгоду). Тотемность выражается не в каком-то отдельном животном или ином существе, но во всех индивидуумах этой породы. Время от времени устраиваются праздники, на которых члены клана в церемониальных танцах изображают тотем или под-

ражают движениям и видовым признакам своего тотема.

Тотем передается по наследству по материнской или отцовской линии; вполне возможно, что первоначально преобладала повсюду первая линия передачи, а вторая появилась позднее. Принадлежность к тотему лежит в основе всех социальных обязательств австралийцев; с одной стороны, она преодолевает границы племенной принадлежности, а с другой стороны, превосходит кровное родство*.

Тотем не связан с какой-то конкретной местностью. Члены одного клана распределяются по разным землям и мирно уживаются с членами других тотемных кланов**.

* «Тотемные узы крепче кровных и семейных в современном их значении» (Фрэзер). — *Примеч. авт.* Список литературы см. в библиографии. — *Ред.*

** Это чрезвычайно сжатое изложение тотемической системы требует, безусловно, дальнейших уточнений и разъяснений. Само слово «тотем» (в форме *totam*) было впервые употреблено в 1791 году англичанином Дж. Лонгом (торговец; провел несколько лет среди индейцев оджибве, оставил любопытные по содержанию дневниковые записи. — *Перев.*), который ссылался на североамериканских индейцев. Постепенно это явление удостоилось широкого научного интереса, и появилось множество исследовательских работ, среди которых я выделяю те, которые представляются мне наиболее важными. В первую очередь это книга Дж. Фрэзера «Тотемизм и экзогамия» (в четырех томах, 1910), а еще работы Эндрю Лэнга (британский историк, этнограф, писатель, один из основоположников культурной антропологии. — *Перев.*), в частности, «Тайна тотема» (1905). Первым, кто осознал важность тотемизма для доисторического человека, был шотландец Джон Фергюсон Макленнан (1869–1870; юрист и этнолог, автор

* * *

Теперь мы переходим наконец к тем особенностям тотемической системы, которые привлекают к ней психоаналитика. Почти повсюду, где встречаются тотемы, действует непреложное правило: члены одного и того же тотемного сообщества не должны вступать друг с другом в половые отношения, следовательно, не могут также вступать между собой в брак. Такова, собственно, экзогамия («внешний брак»), обусловленная тотемизмом.

Этот строго соблюдаемый запрет крайне примечателен. Он не оправдывается ни самим понятием, ни свойствами тотема, о которых я рассуждал выше, и потому непросто осознать, каким образом

теории взаимосвязи социальных структур и примитивных религий. — *Перев.*) Тотемические установления наблюдались и наблюдаются в действии не только среди австралийцев, но также среди индейцев Северной Америки, среди народов Океании, Ост-Индии и во многих областях Африки. Кроме того, из многочисленных свойств душевной жизни, иначе не поддающихся объяснению, можно сделать вывод, что некогда тотемизм был распространен среди арийских и семитских племен Европы и Азии. Поэтому во многих исследованиях он рассматривается как неотъемлемая часть развития человечества, как этап, через который род людской проходит повсеместно.

Как именно первобытный человек пришел к почитанию тотемов? Каким образом, если уж на то пошло, эти люди набрали на мысль, будто происхождение от того или иного животного налагает на них некие общественные обязательства и, как будет показано далее, определенные половые ограничения? На сей счет имеется ряд теорий — их обзор для немецкого читателя предложил Вундт (1906), — однако согласия среди ученых нет. Сам я намереваюсь в скором времени посвятить тотемизму от-